

ДМИТРИЙ ЛЕКУХ

Далекие звезды Севера

ПЯТЫЙ РИМ

«Хотелось просто написать о Севере, о месте, где находишься дальше от звезд, но ближе к Богу. О том, как чувствует там себя современный городской человек, внезапно осознающий, что вот там – ни одной живой души на пятьсот верст, а в том направлении – на триста. Где границу между цивилизацией и тайгой с ее древними духами, можно потрогать рукой. А получилась эдакая «мужская сказка». Ну и хорошо...»

ДМИТРИЙ ЛЕКУХ

В первую очередь все-таки отличный писатель, автор давно уже ставших культовыми в болельщицкой среде романов о футбольных фанатах и хулиганах, включая знаменитый «Я русский». И только во вторую — «топовый» политический обозреватель «РИА Новости» и приходящее вечерами в ваши дома «лицо из телевизора».

А еще он представитель той странной породы русских мужчин, которые без «экстрима» не могут обойтись, даже занимаясь таким сугубо мирным делом, как рыбалка. Тем более, если устраивается эта рыбалка не на подмосковном пруду, а на таинственных русских «северах».

ISBN 978-5-9908267-9-3

9 785990 826793

ДМИТРИЙ ЛЕКУХ

Далекие звезды Севера

Р О М А Н

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2018

УДК 82-311.2
ББК 84
Л 43

Оформление переплета М. Левыкина

Лекух Д.

Л 43 **Далекие звезды Севера. Роман.** — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — С. 288.

ISBN 978-5-9908267-9-3

Север... Глухой далекий край или сердце России? Древнее сердце, бьющееся в своем, непонятном чужим, ритме. Край душевных и жестких людей, край собственных законов, благодаря которым и жив человек на Севере.

Может ли понять душу этого края человек, приехавший сюда, чтобы стряхнуть с себя груз стрессов и проблем мегаполиса? Совместимы ли эти миры в принципе?

Известный журналист и прозаик Дмитрий Лекух знает этот край не понаслышке — потому его наблюдения так остры и точны, добродушно-ироничны и трогательны. И потому столь узнаваемы его герои. Это мы с вами — жители огромной страны. Над которой светят далекие звезды Севера.

**УДК 82-311.2
ББК 84**

© Лекух Д., 2018
© Издательство «Пятый Рим»™,
2018
© ООО «Бестселлер», 2018

ISBN 978-5-9908267-9-3

*Замечательному художнику
русского севера Васе Самбурову,
а также Геннадию и Евгению Хартагановым
посвящается.*

*Пусть нити морщин прилипают ко лбам,
Пусть время ждать истекло, —
Прижмем к потрескавшимся губам
Обкусанное стекло.*

*Дано в году нам по две весны,
Да что с ней делать, с весной?
И сны наши веселы и пьяны
Над струганою сосной.*

Александр Городницкий.
«Бухта Тикси».

*— Господи Иисусе, — пробормотал я, —
это еще что за нахухоль?!*

Хантер С. Томпсон.
«Царство страха».

Пролог

...Летом, до самой поздней осени, до падения первого снега, ханты, как и их северные соседи, ненцы, предпочитают жить в чумах.

Выглядит это, кстати, иной раз весьма забавно.

Стоит такой весь из себя почти что полностью цивилизованный северный хантыйский поселок. Добротные дома. Электричество. Над крышами тарелки спутниковых антенн. А в какой двор не зайди, хозяева тебя встречают именно в чумах. Где, если ты желанный гость, то коренастый, крепконогий и широкоплечий хозяин немедленно начнет строгать строганину из нельмы или муксуна, а светловолосая, в рыжину, и зеленоглазая рослая хозяйка в оленьей рубашке с замысловатым национальным узором поставит чайник и убежит куда-то хлопотать, готовя остальное угощение.

Некоторые, приехавшие в такие места, «на севера», впервые, их даже принимают сначала за ряженных: ну какие ж это «народы севера»?

Обычная «рязань».

Но ханты именно что угро-финны, и выглядят, несмотря на всю северную экзотику именно так: когда они не в национальной, а в «цивильной» одежде — от русских, в общем-то, и не отличишь.

Да и говорят все по-русски, даже в быту: национальный язык, особенно в дальних поселках, фактически

подзабыт, даже старики знают от силы три-четыре десятка слов, русский элементарно удобнее.

Что, кстати, совершенно не мешает им с настоящим искренним трепетом относиться к национальным традициям и истории своих предков: доводилось мне иной раз по таким вот поселкам заходить в школьные, допустим, музеи. Где школьники своими руками любовно собирают, а то и изготавливают экспонаты, — тех же самых кукол в национальной одежде — любо-дорого посмотреть.

Вообще, кстати, очень забавный и удивительно чистоплотный народец.

В чумах — ни капельки грязи, ни жиринки, все на своих местах.

Всегда доброжелательны, открыты, хотя и, не отнимешь, — немного себе на уме. Понять, что реально творится за этими зелено-карими стеклами глаз, довольно непросто. Но это, честно говоря, почти что у любого «таежника» так.

Если, разумеется, «таежник» настоящий.

Тайга — всегда немного «фронтир», даже на окраине какого райцентра — вот здесь девчонки смеются, детвора на великах гоняет, мужички за грубо сколоченным столиком что-то нехитрое выпивают.

А чуть в сторону шагнул — и совсем другой закон.

Не плохой.

Не хороший.

Просто — другой.

Вот от слова «совсем»...

...Выпивать вот только, к сожалению, им совершенно нельзя.

Хантам, в смысле.

Генотип немного другой...

...Русские дворы, кстати, в таких поселках только по этому признаку от хантыйских и различаешь. Такие же основательные дома, такие же чистые дворы, такие же небольшие огороды с мелкой, едва ли не в горошину, картошкой. Вот только чумов в русских дворах нет, а по-другому, пожалуй, и не отличишь.

Но нам сегодня — не туда.

Мы вообще в этот раз добирались сюда, на самую северную оконечность ямальской тайги, почти на границу с тундрой, с немалыми, мягко говоря, приключениями, не для того, чтобы по поселковым дворам гулять.

Сначала прохлопали ушами с билетами до Салехарда: их на август надо покупать очень крепко заранее, возвращаются «с югов» отпускники, газовики и нефтяники разные, — не протолкнешься.

Пришлось добираться через Надым.

Та еще, кстати, катавасия.

Из Надыма в Салехард летает только маленький чешский самолетик, Let L-410 «Turbolet», без грузового отделения.

А с нашим-то, простите, шмотьем...

...Рыбалка — дело хлопотное.

Вещей нужно много.

Снасти, спальники.

Непромокайки, вейдерсы, сапоги.

Теплые шмотки, свитера всеразличные.

Куртки.

Ну и по мелочам.

Гидрак опять-таки Серегин, толстенный и тяжеленный: а в чем еще нырять-то прикажете в такое веселое время года.

Особенно ежели на Северах...

...Короче.

Пока мы все эту красоту в этот несчастный «Turbolet», в Надымском аэропорту загружали, нас там чуть в местную полицию не сдали, несмотря на оплату по каким-то совершенно нереальным тарифам как за «ручную кладь».

Но — слава Богу — долетели-таки до Салехарда.

Выгрузились.

Стоим прямо перед аэропортом.

Курим.

Точнее — я курю.

Остальные в компании — некурящие.

А тут, блин, другая печаль.

Но точно так же неистовая.

Никто не встречает.

Человек, который нас должен был до места рыбалки на своем кораблике довести, внезапно ушел в глубокий глухой запой, водитель микроавтобуса от него ни денег, ни распоряжений не получил.

И — дома остался.

А чего париться-то, если корабль без хозяина и капитана все равно никуда не пойдет...

...Ну, что делать.

Есть такая опция: «звонок другу».

Вот.

Звоню.

Есть тут у нас один добрый знакомый, известный местный художник, он нас несколько лет назад в эту прекрасную чертову глушь как бы впервые и затащил.

— Привет, — говорю, — Вася.

В трубке секундная пауза.

На узнавание, наверное, так это следует понимать.

Потом — характерный смешок.

— О, — радуется, — прилетели! Наконец-то. А то у меня тут внезапно время свободное нарисовалось, мыслишка даже появилась к вам в компанию напро-

ситься, народ там, на месте, проведать. Да и с вами бы хорошо за жизнь немного поболтать...

— Да мы-то, — хмыкаю, — как бы совсем не против. Даже, я бы сказал, исключительно за. Но есть один нюанс...

Короче.

Докладываю диспозицию.

Он хохочет.

— Ну, что с вами делать. Пойдем на моем катере, плюс брата на его моторке попробую уговорить. В две-то лодки, надеюсь, поместимся?

Я снова закуриваю.

Ну, вот, думаю, наконец-то нам повезло.

Кстати.

Это — одна из причин, почему я так люблю «севера».

Люди здесь уж больно хорошие и душевные, другие, видимо, в этих условиях просто не выживают.

Не пропадешь.

— Поместимся, — хмыкаю. — Если надо будет, даже и потеснимся. С нас бензин и поляна, разумеется. Спасибо тебе, брат...

...Встретиться договорились в гостинице, часа примерно через два, пока доберемся, пока впишемся.

Там вот все и обсудим.

Проработаем, так сказать, маршрут.

Вот с этого-то оно все и началось...

Глава 1

...Вася не утерпел, примчался даже пораньше, чем договаривались.

— Я, — звонит на мобильный, — извини, старичок, уже тут. В ресторанчике гостиничном сижу. В глубине, у окошка. И водочку уже заказал.

Ну, думаю, — и слава Богу.

Молодец.

Вещи разбирать все равно не нужно — все равно в гостишку на одну ночь, конкретно на сегодняшнюю, пока вписались. Только зубную щетку из рюкзака сверху достать, да штаны походные на завтра где-нибудь на вешалке разместить.

А кроссовки и куртка и те, в которых прилетел, сгодятся.

Они у меня непромокаемые.

Вполне.

А так, если повезет и с Васей сейчас нормально договоримся, — завтра уже на катер в путь-дорогу.

Позвонил в номер мужикам, объяснил, где договорились встретиться, прокричал то же самое залезшему в душ и что-то там уже бодро фальшивящему под струи воды своему постоянному напарнику Сереге.

Убедился, что он расслышал, накинул легкую флисовую куртку, да и вышел из гостиничного домика.

На улицу.

Вдохнул прохладного, чуть ледящего привычное к московской каменной летней духоте лицо, свежего ямальского воздуха.

Хорошо...

...Осень на Ямале вообще прекрасна.

Особенно ранняя.

Комара уже почти что нет.

Воздух прозрачен.

Видно все — далеко.

Там, южнее, куда мы поедем, еще зелены листья деревьев, и только изредка, среди мрачноватой темно-зеленой сосновой хвои и многочисленной по берегам Оби шелестящей лиственной зелени, вспыхнет нечаянным золотом листвы белизна редких берез.

А вот позже, где-то через неделю-другую, — уже зажгутся красным осины, и тогда наступит вообще полное умиротворение и лепота.

Лишь бы только на нельму попасть.

На нормальную.

Не на эту мелочевку, как в дурацком прошлом году...

Впрочем, — это пока что завтра.

А сегодня надо идти в ресторан, обниматься с Василием Николаевичем, выпивать с ним рюмку-другую под хрустящие соленые грузди или рыжики: другую закуску под водочку он, конечно, признает, но эту предпочитает особенно.

И вот не могу сказать, что мне эта идея не по душе.

Не могу.

Так что закуриваем сигарету и — вперед.

Пока дойду до ресторанчика, как раз ее, родимую, и докурю.

Проверено.

И не раз.

Который уже год в эти благословенные места болтаемся три с лишним часа по воздуху, и то если повезет.

А не так, как в этом году, через этот клятый Надым...
...Ну да ладно.

Вот и лестница, ведущая в расположенный на холме ресторан.

Вид из него, кстати, какой-то прямо-таки нереальный.
Так что — окурок в урну.

А тело — наверх, в тепло...

...Василий Николаевич, он же Вася, он же известный не только в здешних местах и довольно модный художник с очень необычной техникой, он же седой и обманчиво-сутуловатый subtilный и интеллигентный дядька «слегка за пятьдесят», в тяжелых очках, заливчатом бархатном берете и с щегольской черно-седой аккуратно стриженной «шкиперской» бороденкой, действительно сидел в глубине абсолютно пустынного и огромного, что твое футбольное поле, ресторанный зала.

И вдумчиво смаковал искренне им уважаемую ледяную русскую водочку.

А что еще, скажите, должен смаковать истинный, хоть и «модный» северный русский народный художник кроме русской народной водочки?!

Не эту же шотландскую дрянь.

Хотя, кстати, он ее тоже с большим удовольствием выпивал, но при других обстоятельствах времени, места и образа действия: он вообще был большого лукавства человеком, наш друг Василий.

И кстати, во всем.

Не исключая модной subtilности и вялых движений тонких холеных рук. Которыми он уверенно орудовал не только кисточкой в мастерской или рисуя «на пленэре». При известных обстоятельствах ружьишком опытный и фанатичный тундровой охотник-«гусятник» тоже совсем не брезговал.

И кстати, мог в этом качестве своей сутуловатой, чуть подпрыгивающей походкой пропилить по тундре в день километров эдак за пятьдесят, причем с осязаемым рюкзаком, да еще и любимой старенькой тульской «вертикалочкой» за этой самой спиной.

Жилистый так-то дядька.

А то, что в бархатном берете и в очках, — так это еще и ни о чем таком особенном не говорит.

Севера...

— Привет, — обнимаю его, поднявшегося мне навстречу.

— Привет, — хлопает меня по плечу.

Усаживаемся.

Вася немедленно разливает.

Мне очень хочется закурить, и очень жаль, что сейчас в ресторанах нельзя: в глазах немного щиплет.

Реально давно не виделись.

— Ну, — поднимает рюмку, насадив предварительно на вилку хрустящий соленый рыжик и окунув его в густую сметану, — за встречу, что ли?!

Я киваю.

Чокаемся.

Проглатываем.

Он тщательно разжевывает рыжик.

Я просто выдыхаю, немного поморщившись.

— Только, — хмыкаю, — давай сразу еще по одной да покурим пойдем. Ты же не бросил еще, надеюсь?

Он только хмыкает.

Кивает на коробочку с самокрутками из тонкой папиросной бумаги, издающую ни с чем не сравнимый запах светлого вирджинского табака.

Старый пижон.

— Так-то трубочку, как всегда, — усмехается. — Но в ресторацию самокрутки кручу. Задолбали они со сво-

ей борьбой с курением, если честно. У нас тут зимой, между прочим, под пятьдесят. На улицу не набегаешься. И очень, знаешь, смешно, когда взрослые толстые дядьки по сортирам, как школьники, свои сигарки смолят. В туалет потом не зайдешь после них, хоть топор вешай. Ну да ладно. Как сам-то? Пишешь чего? Или пока так, публицистикой потихоньку пробавляешься?

Я тоже хмыкаю.

Жму плечами.

Разливаю водку по стопкам.

— А сам-то как думаешь, — ухмыляюсь, — Вась? В нашем возрасте уже или пишешь, или нет. Работаю потихоньку. А про тебя так даже и не спрашиваю...

Он досадливо машет рукой.

Поднимает рюмку, смотрит ее на свет.

— Да ладно, — морщится. — Ты еще молодой. Раньше в твоём возрасте только-только в Союз писателей принимали. Это у нас, рисовальщиков, с этим была благодать, а у вас старпер на старпере. Но хорошо, что уже кое-что потихоньку соображаешь...

Выпиваем по второй, закусываем.

Идем курить.

Не спеша.

Через весь пустынный в это время пока еще гостиничный «ресторанный зал», старательно обставленный «богато».

По-северному.

Мимо огромных плазменных телевизионных панелей на стенах, небрежно перемешанных со звериными шкурами и остротой оленьих рогов. Мимо длинных низких столиков, заботливо укрытых белоснежными скатертями.

Через тяжелую вращающуюся дверь...

...На улице у урн неожиданно для себя еще раз коротко, но крепко обнимаемся.

Давно все-таки не виделись.

Ой, давно...

— Старый ты черт, — смеюсь.

Он тоже немного подхихикивает.

Снизу лестницы тем временем раздаются знакомые голоса: движется наше «пополнение» в лице Лени, Сереги и Гарика.

— И, кстати, да, — тычет меня кулачком в плечо Василий Николаевич, — пока в мастерскую ко мне не заглянем, хрен я вас куда повезу. Есть чем похвастаться, есть. Хотя пару лучших работ уже, сволочи, раскупили...

Я кашляю, затягиваясь.

— Заметано...

Глава 2

— Ну, — Леня решительно подзывает официанта, заказывает еще графинчик «беленькой», соленых рыжиков и строганины на закусь. Серега дополняет заказ рюмочкой — именно рюмочкой, к черту эти фужеры — хорошего армянского коньяка и чашкой кофе «американо». — Какие планы, парни? И вообще, как решать-то будем?

Вася тем временем разливает остатки из первого графинчика уже по четырем рюмкам. Серега свою, пятую, решительно накрывает ладонью: куда бы он ни приехал на рыбалку и дайвинг, первая «порция» обязательно должна быть коньячной.

Традиция.

А традиции — надо чтить.

Ну, а остальные тем временем все-таки выпивают, закусывая остатками Васиных соленых грибов.

— Да, в принципе, с братом я уже договорился, — жмет плечами маститый салехардский художник. — Коля тоже не против дня на два Германа в его берлоге навестить, время свободное есть. Ну, а я с вами на все две недели, если, конечно, не прогоните...

Герман, наш будущий «хозяин», кстати, — тоже художник.

И очень, очень серьезный, хотя и несколько своеобразный.

Васин однокашник по «суриковке», на секундочку, хоть и живет в лесу, да пням, на полном серьезе, молится.

Хант.

Ну — как хант.

Метис, на три четверти хант, а на одну — ненец, из древнего, кстати, и вполне себе шаманского рода: бабушка его была знаменитой на всю тундру ненецкой шаманкой, по странному стечению обстоятельств советской власти, вышедшей замуж за парня из древнего рода хантыйских самых настоящих старейшин. «Заслуженным» он стал еще все при той же советской власти, и, думается мне, не только по принадлежности к симпатичному национальному меньшинству.

Таланта там Господь отмерял немало, надо это признать.

Как, собственно, и «своеобразия».

Но, если отбросить некие «полушаманские», полутворческие «странности», — то вполне нормальный, я бы даже сказал, — просто мировой мужик.

А по совместительству отец хозяина и директора небольшой рыбацкой базы.

На чудесном разливе Оби, в совершенно диком таежном глухоманье. Куда нас Вася в свое время и определил, по знакомству.

Поставили они эту базу, кстати, ровно на том месте, где когда-то было их родовое стойбище: фантастические по красоте и первобытной силе места, каждый год туда стараемся выбираться.

Если дела, разумеется, позволяют.

Нда...

— Я тебе дам «прогоните», — деланно возмущается Лёнчик, — ты от нас теперь даже если и захочешь, то не сбежишь. Когда выходим-то?

Вася жмет плечами.

— Да завтра прям с утра и пойдем. Чем раньше, тем лучше. Мало ли что, лучше засветло все пройти...

Все тихо смеются.

Было тут у нас как-то одно с Васей общее приключение.

С этой же компанией.

После как-нибудь расскажу...

...Тем временем молоденькая, слегка стесняющаяся официантка, приносит Сереге кофе и рюмочку с чем-то коричневым.

Серега старательно вдыхает аромат.

Потом еще раз, только более заинтересовано.

— Девушка, — смотрит укоризненно. — «Наири», безусловно, отличный коньяк. Даже лучше и, заметьте, дороже, чем заказанный мной «Ахтамар». Но тут понимаете, какая заваyka, просил-то я именно «Ахтамар»...

Официантка стремительно краснеет.

— Так кончился «Ахтамар». Хозяин велел вам что подороже налить. Получше. Чтобы не обижались. Он вас по прежним приездам помнит, говорит...

Милая такая провинциальная непосредственность.

И приветливость.

Ну-ну.

Серега неожиданно ухмыляется, хватая официанточку за руку и целует тыльную сторону, судя по всему, внезапно вспотевшей ладошки.

— Спасибо тебе, милая. О-о-опп!

Проводит одной своей ладонью над другой, потом обеими над ручкой смущенной северной девушки и у нее на ладони, невесть откуда, появляются три большие и красивые шоколадные конфеты.

Настоящие, кстати, французские трюфеля.

Девушка краснеет еще стремительнее.

И — вот только меня не спрашивайте как.

Сам не знаю.

Хотя Серега у нас, в общем-то, и не фокусник, конечно. Хуже.

Финансист.

Причем, поговаривают, — очень даже и не плохой.

А у них еще и не такие фокусы удаются...

...Окончательно смущенная и красная, что твой южный вареный рак, официанточка удаляется от нас чуть ли не бегом.

Василий Николаевич смотрит на Серого укоризненно.

Но потом тоже не выдерживает, и начинает ржать, точно так же, как и вся, постепенно расслабляющаяся, гоп-компания.

Только Гарик серьезен.

Он у нас всегда серьезен.

Но, точнее, — почти всегда.

— Так все-таки, — спрашивает, дождавшись, когда остальные отсмеются, — сегодня-то планы какие?

Я жму плечами.

— Сейчас обедаем. Потом по магазинам, докупать кое-что по жарчке, кофе и алкоголь. Мне еще сигарет купить нужно, кстати. Ну, и по мелочам. Потом мы с Васей к нему в мастерскую, он новыми работами похвастаться хочет. Остальные, насколько я понимаю, тоже, скорее всего, присоединятся. Потом ужинаем. Выпиваем, кому сколько по силам, и спать. Завтра утром грузимся в катера и выезжаем. Всем быть собранными, с уложенным и не раскиданным шмотьем и причиндалами. Не ныть, не болеть, никого не жалеть принципиально. Сегодняшние покупки оставляем у Василь Николаича в багажнике, сразу оттуда в катер и перегрузимся. Как тебе такой план, Игорек?

Все снова хихикают.

И правда — какие уж тут «планы».

Алгоритм действий отработан, не первый год по рыбалкам «на севера» мотаемся, в конце-то концов.

Но Гарик все равно продолжает оставаться прямо-таки непробиваемо серьезным.

— Все равно, — вздыхает, — надо по алкашке определиться. Лучше прямо тут, на берегу. А то знаю я вас...

Я потихоньку начинаю заводиться.

Вот ну нельзя сказать, что Гарик у нас не пьет.

Пьет.

Иной раз вообще так, что даже у всех остальных, много чего повидавших, уши в трубочку заворачиваются.

Но вот находит на него временами это нездоровое ханжество...

— Игорь, — говорю укоризненно. — А что тут определяться-то?! Сколько водки не бери, все равно три раза бегать...

— Ну вот не знаю, — тянет задумчиво Гарик. — Я лично собираюсь не больше чем три рюмки в день. И все.

Тут уже ржут все.

И Игорек в том числе.

И я.

Это он, скотина, оказывается, так шутил.

Просто про «три рюмки» — это у нас в компании такой очень известный анекдот: однажды Гарик дал слово Сереге, что не будет на той, прошлой, рыбалке пить в день больше трех рюмок. И сначала «три рюмки» постепенно превратились в три граненых стакана (а чем не «рюмки?»), а потом и в три эмалированные солдатские кружки по пол-литра каждая: таким пьяным Гарика на рыбалке я не видел еще никогда.

Да и после тоже, честно говоря, таким никогда не видел. Запретный плод — он сладок.

Ладно, проехали...

Серый, отсмеявшись, тоже становится необычайно серьезен.

— Предлагаю ограничиться по ноль семь на рыло в день. Потому как подозреваю, что Валерьяныч парой литровых фляг спирта под шило уже с Москвы затоварился. А я лично под «сигарный вечер» прихватил пару литров весьма недурного вискаря. Да и у остальных, уверен, если рюкзаки потрясти, тоже кое-что из «вкусняшек» найдется. Ну, и по паре литров рома какого-нибудь закупить и коньяка простенького, но не паленого. Чисто, чтобы в термоса с кофе и чаем добавлять, в лодки, для сугрева. И этим ограничиться.

Все согласно кивают.

Леня все старательно записывает в блокнот: он у нас в прошлом серьезный, хоть и региональный, чиновник.

Предпочитает все «класть на бумагу», ибо, как известно, «порядок бьет класс».

Вы, кстати, только не подумайте, что мы такие адские алкаши. Просто, что такое северная рыбалка в дикой таежной глуши, надо себе достаточно хорошо представлять. Только в катер надо брать минимум пол-литра в день на двоих, причем их даже не чувствуешь, потому как в голову вообще ничего не попадает.

Так.

Для сугрева.

Ветра там на Оби, даже если не «раздувает» так, что на стремнину просто не выйдешь, очень, знаете ли, любят под любую одежду залезть. Только горячим кофе, изрядно сдобренным ромом или коньяком, и спасаешься.

Ну и обязательными «по пиисят».

Плюс сотка в обед, под горячее.

Плюс столько же вечером, за ужином, перед сном.

Плюс уху варить обязательно пару раз как минимум будем.

Ну и, самое главное, водка в тайге — валюта.

Могут промысловые рыбаки осетра икорного предложить, могут охотники с чем-нибудь интересным подойти.

Вы бы, например, от парной оленины или лосятины отказались бы, которую потом можно тут же нафаршировать, допустим, только что собранными кедровыми орехами и запечь с местными травами на углях?!

Вот и мы тоже вряд ли...

...Мало ли, в общем, что.

Нужна водка.

Нужна.

Так уж в России получается...

...Вася задумчиво чешет шикарную седую шевелюру.

— Шило. Гкхм. Мысль, конечно, интересная. Я, пожалуй, тоже литра три медицинского прихвачу. Не пропадет...

Не пропадет, конечно.

Ага.

— Так, — Серый решительно смотрит на часы. — Тогда давайте не рассиживаться особо. По супчику проглотим или по горячему, да сразу в путь. Что еще покупаем, кстати? Ну, соуса, понятно. Соевого побольше, под рыбу. Я, кстати, васаби с собой аж из Москвы на всякий случай тащу, но если здесь найдем, можно и прикупить. Томатного какого-нибудь, под мясо. Кофе растворимый две, минимум, литровые емкости. Чай в пакетиках и заварной. Сахара там, на базе, полно, а вот чай не очень. Лён, ты пишешь?! Давай дальше пиши...

Я задумчиво чешу левую бровь.

— Овощей, — говорю, — думаю, свежих надо взять. Но не много. Испортятся. Холодильников там нет.

— О! — поднимает палец вверх Гарик. — Чеснок! Лук. Горчица, обязательно. И хрена бы надо тертого прикупить...

— Это я уже и без вас записал, — морщится Леня. — Как и соленья, кстати, о них тоже можете не напоминать. Дальше думайте.

Думаем.

— Может, что-то к чаю? — неожиданно скромно говорит Гарик.

Он у нас сладкоежка, так-то.

Но ему очень не нравится это при всех признавать.

А вот Сереге — ну совершенно пофиг.

Хотя сладкое уважает еще больше Гарика.

Да...

— Короче, Леня, пиши. Десять плиток шоколада горького. Десять молочного. Печенье. Пряники обязательно. Что еще?

Молчим.

Думаем.

— Пивка, наверное, стоит. Хотя бы для баньки.

Немая пауза.

В глазах недоумение.

Бью сначала сам себе открытой ладонью в лоб.

Потом выдаю лецца Сереге.

— Блин. Точно!

Очень выразительная тишина.

— И это мои друзья. Идиоты. Леня. Пиши!

— Разумеется. Уже пишу. Пиво. Пару упаковок пластиковых кег. И бочонок чего повкуснее, жестяной, разумеется...

Пуаза.

— Мед?

— О! Леня, пиши — мед.

— И лимонов обязательно, кила два-три!

— Блин, в лодки закусь забыли!

— Ну, конечно! Пиши — сало, килограмма полтора. Твердая колбаса. Плавленые сырки обязательно.

— Всё?!

— Кажись, всё...

Я вздыхаю.

— Ладно, парни. Давайте, водочки, что ли, хлопнем.

Парни согласно гудят.

Чокаемся.

Выпиваем.

— Официантка подойдет, закажите мне какой-нибудь кусок мяса. С кровью. Чтобы совсем-совсем «extra rare». И каких-нибудь овощей на гарнир, пофиг вообще, каких. И кстати, кружку пива, если есть, лучше темного. Но если нет темного, пусть даже и светлого, самое главное, чтоб разливного. А я пока пойду на улице покурю, с вашего разрешения...

...На улице тем временем раздулся прилетевший с севера, с тундры, местный вечный бродяга-ветер.

Я даже сигарету с немалым трудом прикурил.

Зашумел кронами местных, слегка чахловатых сосен, завыл в проводах, и даже отсюда, с яра, на котором располагалась гостиница, с верхотуры было заметно, как забелели барашки на могучей глади Оби.

Погнал низкие, тяжелые северные облака.

Нда, думаю.

Если погода не переменится, ой как непросто нам будет пробираться на небольших катерах вдоль пустынных, почти что нехоженных берегов. Хотя местный ветер, к счастью, существо совершенно непостоянное.

Сегодня подул.

Завтра опять пропал.

Глава 3

...Я, кстати, угадал.

С утра все небо затягивала низкая, стремительно меняющаяся очертания тяжелая облачность, время от времени разрождающаяся крупными каплями холодного северного дождя, но стоял полный штиль.

Даже на берегу, в гавани — ни ветерка.

Но тем не менее всех, включая Василия Николаевича и присоединившегося к нам ближе к вечеру его брата Колю, заметно «подштармливало».

И, собственно, немудрено.

Славно вечерком посидели.

С песнями, что называется, и плясками.

Ага...

...А началось все, разумеется, в Васиной мастерской: кто никогда не пил с художниками в их мастерских, тот вообще, почитай, никогда толком не выпивал.

Страшные люди.

Гарик с Серегой даже умудрились у него картины купить, — нет, без обмана, действительно очень достойные работы, — несмотря на тот вполне себе медицинский факт, что никогда ранее в какой-то особой любви к живописи были не заподозрены.

Мы с Лене́й, как люди более опытные, устояли.

Мне Вася, правда, все-таки один небольшой и, с моей точки зрения, очень симпатичный этюдик подарил, увидев, как я перед ним застыл буквально как вкопанный.

Уж больно сюжет показался каким-то необычным: «Сиртя ловят большую рыбу».

И сам рисунок даже по весьма своеобразным меркам Василия Николаевича какой-то... м-м-м... странный: изломанные, воздушные в своем изяществе линии, необыкновенные пропорции трех угадываемых фигурок. Немой ужас в обращенном к зрителю глазу гигантской, судя по всему, нельмины, выписанной, в отличие от всего остального, в весьма реалистичной манере. Очень необычно и очень, кстати, как почти всегда (нет, неудачи у всякого случаются) у Василия Николаевича, — хорошо.

Вот и подарил.

Ну, это — нормально.

Я ему тоже каждую свою новую книгу или бандеролью отправляю, или через знакомых передаю: нормальная вежливость по отношению к человеку, мнение которого тебе по-настоящему не безразлично.

Проехали, короче.

Ну, а потом, как водится, — начали выпивать.

Сначала — «по маленькой».

А потом уже — «как пойдет».

Пошло, как вы понимаете, — неплохо: Вася в результате даже до дому не добрался, прямо у нас с Серегой в номере на диванчике и заночевал.

Да и остальные, включая вашего покорного слугу, в общем-то, были просто чудо как хороши...

...Вот.

Теперь и мучаемся с утра.

Кое-как при помощи Васиного джипа спустили моторку и катер.

Потеея, загрузили рюкзаки, снасти и вчерашние алкогольные, да и не только алкогольные покупки.

Сереге, умница, еще и, уговорив Васиного брата Николая Николаевича, умудрился на его «Ниве» на рынок

сгонять: докупить кое-какой перекус в дорогу да плюс взять у какого-то торговца азербайджанца пяток арбузов в подарок, прежде всего детишкам большой хозяйской семьи.

Ну и по паре-тройке бутылок холодного пивка на каждого страждущего члена коллектива, разумеется.

Плыть — долго.

Вот вообще ни разу не пропадет...

...Народ, кстати, нельзя сказать, что на пиво как-то реагировал.

Какое тут пиво.

По большому счету, хотелось водки под густой, горячий супчик какой-нибудь.

И спать.

Но мы же на рыбалку приехали.

А значит — вперед...

...После того как растолкали вещи по лодкам, Гарик с Леней, опасливо посматривая в сторону стоящего слегка под углом художника, аккуратно переместились в моторку его брата, Серега же, покорно вздыхая, поплелся вслед за мной к белоснежному пластиковому катеру самого Василия Николаевича.

Я негромко хихикнул, чтобы остальные не расслышали.

— Не ссы, — подсмеиваюсь, — Серый, не пропадем. Вася — человек особенный, «тундровик», что ты хочешь. И не смотри, что художник. Рука хоть и творческая, но твердая: как по ниточке проведет. Да и продует его сразу после первого километра, вот увидишь, пока дождя нет, специально тент натягивать не будет. Так что можешь смело пиво открывать. Вася и себя любит, да и нам с тобой точно не враг.

— На это, — вздыхает Серега, — и вся надежда. А то уж я хотел попросить его, чтобы меня на рулевое пу-

стил. Эк его штормит-то, бедолагу. Пиво ему, кстати, предлагать?

Я отрицательно качаю головой.

— Не возьмет. И за рулевое тебя, пока от города не отойдем, не пустит. Он-то человек в Салехарде известный, а тебя с бодуница да еще и без прав сразу ГИМС тормознет, замучаемся объясняться. Да и выход тут из гавани непростой, надо понимать, куда двигаться. А на реке и я его буду подменять время от времени, и ты, если захочешь. У меня, кстати, права на маломерное судно с собой. Но пока — не стоит. Тут Васина работа. Не обращай внимания. Все будет нормально, старик...

И действительно.

Василий Николаевич, встав за штурвал, так сказать, плавсредства, если и не преобразился, то уж точно подсобрался.

Движения, пока он аккуратно вел катер сначала между, а потом и мимо судов и суденышек, несмотря на по-прежнему страдальческое выражение лица, стали куда более скупы и уверены. А когда мы, отманеврировав положенное на малом и среднем ходу, вырвались, наконец, на простор, — дал такой копоты приблизительно на полчаса, что «продуло» не только его, но и нас с Серегой.

— Ну что, — сбрасывает ход до среднего, поджидая удивленную такой неистойвой резвостью моторку брата, — засранцы, протрезвели?! Серый, где там твои запасы сегодняшние? Ибо вот теперь — можно уже и пивка...

Я толкаю Серегу в бок локтем.

— Во! — всхохатываю. — А что я тебе говорил?!

Серый, чуть подстукивая зубами, лезет за спину, за пакетом с пивасиком.

— Да, блин, — ежится, — под таким ветрилой, да на такой скорости, понятное дело! Я бы сейчас уже не только пивка, я бы уже и водочки глотанул...

Вася смеется.

— Так за чем дело стало! Глотайте. Лечитесь смело, закусывайте. А вот мне пока что достаточно будет пивка.

— Да нам тоже, — смеюсь Васе в ответ. — Водочки попозже хлебнем. Вот отойдем от города, остановимся перекусить, не завтракали же. Там и «хлебнем» от всей широты души. Не просто так Серый на рынок мотался, ага.

— Ну, — кивает Серега, протягивая Василию Николаевичу открытую пивную бутылку, — кое-что прикупил. Колбаски, сальца в нарезку. Оленины взял копченой немного, яиц у бабушек отварных. Огурцов соленых опять-таки. Не пропадем, короче. А тобой, Вась, вот, врать не буду, сейчас прям реально восхищен. Я так-то боялся даже в катер садиться, признаюсь. Уж больно тебя штормило...

Василий жмет плечами.

— Художника, — отхлебывает пивко из бутылки, — каждый обидеть может. Не бойся, Серег. Я на Оби больше, чем положено, в себя не возьму. Дурное это дело, признаться. И опасное. Сам увидишь...

Я согласно киваю.

Это точно.

Да, впрочем, по идее, Серега и сам все понимать должен: не в первый раз...

— Э-эх! — вздыхаю, вылакав одним глотком оставшиеся полбутылки «Карлсберга». — Все-таки, Серег, Вася прав, пивом голову не обманешь. Давай, пока на среднем ходу телепаемся, все-таки по пятьдесят. А то прохладно что-то.

Сергеа чешет в затылке.

— Думаешь?

— Уверен!

— Ну, тогда, — лезет во внутренний карман, вынимая оттуда плоскую узкую фляжку, — лучше вискарика по глотку. Я, когда вы уже вчера совсем насосались, специально из бутылки во фляжку перелил. Даже не поленился, в номер сгонял, пока вы друг другу в любви объяснялись: кто какой талантливый, понимаешь, художник, а кто какой великий писатель. Иначе бы и это ухандокали, ироды.

— О! — поднимает неожиданно большой палец вверх наш рулевой. — А вот вискаря глоточек, пожалуй, можно и трудовому народу, так сказать. Мне, в смысле. Даже и нужно, наверное. Молодец!

— Служу трудовому народу! — дурачится Серый, прикладывая, на польский манер, два пальца к козырьку теплой бейсболки. — Всегда, как говорится, готов!

Василий Николаевич сбрасывает ход до малого, мы делаем по глотку, и в это время нас нагоняет моторка, откуда нам усиленно семафорят Леня с Гариком. Вася доворачивает рулевое, сближаемся, сцепляемся борт к борту.

— Что-то случилось? — интересуемся.

— Случилось! — выпаливает ядовитый, как самая ядовитая змея, Гарик. — Пижоны, бя, понимаешь, на белом катере. Летают тут, понимаешь, жизни радуются. Хреново нам. Опохмелиться бы надо.

— А что не опохмеляетесь тогда? — удивляется Серый. — Если так «надо».

В моторке воют.

— Сволочь лысая! — шипит теперь уже Ленчик. — А кто весь стратегический запас к себе в катер-то уволок?! Даже, блин, пива не предложили! Куркуль недоде-

ланый! Бухгалтер хренов! Помесь кудрина и чубайса, мать твою так!

Мы хохочем.

— А-а-а, — тянет Серега. — Понятно. Злые какие-то они, Василий Николаевич. Может, дальше пойдем от них?

С моторки теперь доносится уже даже не вой, а приглушенный рык.

— Ладно-ладно, — смеюсь. — Давайте готовьте поляну. Шлепнем по паре рюмок. Но не больше, потом на бережку остановимся, чисто позавтракать...

Серега тем временем лезет куда-то в мешки, передает «страждущим» несколько бутылок пива, потом из другого мешка достает две бутылки водки, одна из которых сразу отправляется вслед за пенным напитком на моторку, а вторая немедленно открывается.

Мы с Васей вскрываем пакет с солеными огурцами, я достаю порезанное «порционно» сало и хлеб, Леня с Гариком сооружают на своей лодке по-быстрому маленькие бутербродики с плавленым сырком «Дружба», а Николай Николаевич вынимает из бардачка моторки вполне себе симпатичные металлические стаканчики.

Небольшие.

Наперстки, фактически.

Но — не пластик какой-нибудь там, извините.

Всё как положено.

Рыбацкие емкости, вполне...

...Которые, естественно, тут же наполняются.

До краев.

Ну, это, конечно, еще не «завтрак туриста».

Но уже его «преддверие», так сказать: свежий обский ветерок прилично облегчил страдания «после вечерашнего» и пробудил зверский аппетит. На фоне того,

что в гостинице даже от заранее оплаченного завтрака отказались, — уже прогресс.

А тут — красота.

На воде — небольшая волна, легкий ветерок, наконец-то, раздулся после тяжелого утреннего штиля.

Прохладно.

Серо-стальной цвет быстро текущих вод Малой Оби, зеленоватая пока еще лиственная дымка по берегам.

Изредка пробегающие мимо небольшие катера и моторные лодки.

И, перемежаемая только порывами ветра да плеском невысокой волны о борта лодок, свежая, северная тишина.

Хорошо.

Душевно.

Только сцепленные лодки течением куда-то обратно, к Салехарду, относит: идем-то не вниз, к Обской губе, в тундру, а вверх, к югу, в тайгу.

Так что надо бы поторопиться.

— Ну, — поднимает металлический стаканчик «с розлитым» вверх Ленчик, — вот теперь: точно за рыбалку!

— Ура! Ура!! Ура!!!

Выпили.

Зажевали, чем Бог послал.

Красота.

— Так, — констатирует Василий Николаевич. — Давайте-ка, парни, еще два раза по пятьдесят, да надо бы расцепляться да тенты на лодки ставить. С северо-запада дождь, кажется, потихоньку идет. Нужно дальше двигаться, пока не накрыло. Если поторопимся, вполне успеем к чертовой матери проскочить.

Коля, его брат, смотрит на небо и согласно кивает.

— Похоже, что так. Если сейчас на полную газанем, а потом отвалим в протоку, то только краем заденет. А вот если нет...

Быстренько разливаем.

Хлопаем.

Я закуриваю: Серега не переносит табачного запаха и под тентом лучше все-таки не дымить.

Нет.

Он ничего, разумеется, такого не скажет.

Но зачем?

Доставлять людям неудобства вообще последнее дело, особенно на отдыхе, а тем более на рыбалке.

Где основное требование к сотоварищам — «не нянчайся».

У меня, по крайней мере.

Но мы ведь хотим, чтобы к нам относились так же, как мы относимся к другим, не так ли, дамы и господа?!

Ну.

И вот — то-то же...

...Расцепляемся.

Быстро рассовываем остатки «полузавтрака» по их изначальным местам, в мешках и пластиковых пакетах.

Помогаем Васе поставить и натянуть тент, после чего Серега, рассеяно улыбаясь, открывает пару новых бутылок пива, одну протягивает было Василию Николаевичу, но тот отказывается, поэтому она достается мне.

Вторую Серый оставляет себе, любимому.

Знаками показывая и мне, и Василию, что, мол, все в порядке, я уже в нужной кондиции, а значит — вы можете закуривать.

Вот ведь, блин.

А я зачем-то дымом давился.

Ну да неважно.

Самое главное — успели.

Вперед!

И не успеваем мы даже еще толком и тронуться, как ветер разрывает низкий полог туч, реку заливают

ярким солнечным светом и одновременно на водную гладь падают первые, медленные и тяжелые, капли начинающегося дождя.

Серо-зеленая, мутная Малая Обь сразу же неожиданно становится сияюще-синей, а очертания и цвета резкими. Катер стартует, набирает скорость, и мы летим дальше в облаке, состоящем из семицветной радуги и белоснежных брызг.